

Алексей Будищев

Лесничий Орн

Алексей Николаевич Будищев

Лесничий Орн

Аннотация

«Красивый уланский ротмистр граф Ян Тарновский, кутаясь в дорожный плащ, пряча лицо от липкой измороси и холодного ветра, ехал на стройном, гнедом скакуне обок со своим дядей Громницким, похожим на Дон-Кихота и по всей своей долговязой фигуре, и по длинной седеющей эспаньолке...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алексей Будищев

Лесничий Орн

I

Красивый уланский ротмистр граф Ян Тарновский, кутаясь в дорожный плащ, пряча лицо от липкой измороси и холодного ветра, ехал на стройном, гнедом скакуне обок со своим дядей Громницким, похожим на Дон-Кихота и по всей своей долговязой фигуре, и по длинной седеющей эспаньолке.

Бледное лицо Тарновского, еще не вполне оправившегося от раны, полученной им за Неманом, где шрапнельной пулей ему пробило навывлет правое легкое, болезненно хмурилось от неприятных мыслей, не дававших ему покоя. А Громницкий невозмутимо торопил своего коня. Однако, когда он увидел на лице племянника гримасу самого острого беспокойства, он спросил его:

– Тебя беспокоит твой лесничий Орн?

– Как и все эти последние дни, – вздохнул Тарновский, капризно пожав плечом. – Он не выходит у меня из головы. Это чистое наваждение!

– После твоего поранения ты стал психопатом, – заметил Громницкий хмуро. – Это очень грустно, но это так!

– Почему? – спросил Тарновский, – разве мои мысли не имеют под собой ни малейшего основания? А почему тогда Орн не везет мне денег за сплавленный еще в июле, августе и сентябре лес? Восемь тысяч рублей для меня очень значительная сумма, и я не хочу, чтобы она попадала в руки к немцам...

– К немцам? – с улыбкой переспросил Громницкий.

– Ну, да, к немцам, – почти закричал Тарновский с досадой. – Орн три раза назначал мне сроки, когда он привезет мне эти деньги, и трижды он обманывал меня. И теперь я убежден, что он не американец по происхождению, как глясят его документы, а просто-напросто немец. И он, очевидно, ждет сейчас случая, чтобы утечь, вместе с деньгами, конечно, – ведь, восемь тысяч – куш! – к своим соотечественниками, благо немецкая армия всего в восьмидесяти верстах от моих имений. Вот увидишь, мы приедем сейчас в лесную усадьбу, и поцелуем пробой! Он уже утек, лесничий Орн, и мои денежки – ау! Это уж так!

Седые усы Громницкого дрогнули.

– Помнишь, на той неделе, – сказал он, – ты уверял меня, что лесничий Орн – типичный венгерец, а его глухонемой конторщик Родбай – венгерский румын родом из Трансильвании. Помнишь?

– А может быть, он и венгерец!

Тарновский вздохнул и замолчал.

Дорога шла прекрасным сосновым лесом и круто, почти

под прямым углом, загибала вправо. Огромные сосны вздымались кругом.

Громницкий пожал плечами, нахмурился и дал шенкеля коню.

– Надо торопиться, уже темнеет, – сказал он, – поспешим увидеть загадочного лесничего!

Тарновский, точно борясь с своими сомнениями, спросил его:

– Значит, ты веришь лесничему Орну?

– Всею душой. Он чистокровный американец, ирландского происхождения. Вот сейчас мы приедем к нему, и ты убедишься своими глазами, что на лесном хуторе все преблагополучно. Он встретит нас, как всегда, с распростертыми объятиями и за ужином угостит нас великолепным бигосом с тушеной капустой, жареными тетеревами и крепчайшим розовым ликером домашнего производства!

Тарновский точно бы повеселел.

– Ты думаешь? – спросил он снова, видимо желая верить дяде.

– Не думаю, а убежден, как и в том, что я Томас Громницкий, любящий тебя всею душой.

Тарновский тронул своего гнедого скакуна стеком. Тот с места взял рысью.

Хохлатые дятлы кричали с сосен, и пронзительно взвизгивали сойки, срываясь из-за кустарника.

Дул свежий ветер, гудя в соснах.

– А тебе, Ян, вообще надлежит взять себя в руки. Ты начинаешь нервничать из-за каждого пустяка. Ты уже переутомился войною, а нам предстоит воевать, быть может, еще столько же, – заметил Громницкий племяннику. – Надо беречь себя и не волноваться из-за глупостей!

Лес внезапно расступился, образуя широкую поляну. Тускло и угрюмо глянули широкие окна дома, где помещался лесничий Орн. Только одно угловое окно было освещено в этом мрачном доме. Тени метались мимо этого окна.

– Вот мы и приехали, – сказал Громницкий, – сейчас все твои сомнения рассеятся. Я уже предвкушаю и вкусный бигос, и ароматный ликер, и глотаю слюнки!

Они подъехали к конюшням, но ни одна живая душа не вышла к ним навстречу. Вся лесная усадьба, как казалось Тарновскому, спала и видела жуткие сны.

– Ни души, – отозвался он хмуро.

Белыми, мягкими, мокрыми хлопьями падала с неба изморось и, касаясь земли, растворялась в черную жижу.

– Ни души, – вновь повторил граф Тарновский, забеспокоившись. – Странно! Во всей усадьбе ни души! Да и в доме освещено лишь одно окно!

– Ну, раскудахтался! – заметил Громницкий с улыбкой. – Эка невидаль, что в лесной усадьбе не столь многолюдно, как в шикарном ресторане! Подвяжем наших коней и пойдем к крыльцу. Бигос все-таки от нас не уйдет! Вот увидишь!

Они двинулись к темному фасаду дома. Шумел ветер

в вершинах леса, и падали, все падали мокрые хлопья, сизым мельканьем наполняя мрачные гудящие пространства.

Когда Тарновский и Громницкий проходили мимо единственного освещённого окна, они внезапно остановились пораженные, недоумевая перед загадкой. В глубине той комнаты стояли и говорили в полголоса двое с бритыми лицами очень похожие на лесничего Орна и на его глухонемого конторщика Родбая, с тою только разницею, что те обладали такими роскошными бородами, а щеки этих были так же гладки, как и их ладони.

– Они побрились оба, – проговорил Тарновский, кивая на окно: – и Орн, и Родбай. К чему им понадобилось сбрить их бороды? Опять фокус-покус?

– Просто каприз, – пожал плечами Громницкий. – Как ты придиричив, Ян!

– А почему глухонемой заговорил? – спросил Тарновский. – Разве ты не слышишь ясно сиплый голос Родбая? А давно ли мы все считали его за глухонемого?

– Вот это, действительно, немножко странно – гм! Но странно не значит еще преступно, – заметил Громницкий, – и я еще не теряю надежды покушать бигоса и попить ликера.

– И, конечно, глухонемой заговорил не иначе, как по-немецки, – со вздохом уронил Тарновский. – Ты слышишь?

Они оба поднялись на крыльцо, и Тарновский хотел было постучать стеклом в дверь. Но Громницкий положил ему

на плечо руку.

– Если ты нервничаешь и беспокоишься, не лучше ли вернуться нам домой? – спросил он племянника, вдруг точно обеспокоившись и сам.

Но тот ответил:

– Я уже заинтригован по горло и возвращаться назад не в моих силах. Девай поплывем по течению – что будет, то будет!

Он опять хотел постучать стеклом, но дверь оказалась незамкнутой. Тарновский осторожно потянул ее к себе и вошел в дом, сразу же останавливаясь затем.

Прихожая освещалась светом, падавшим из соседней комнаты, и это делало ее жуткой. Сиплый голос «глухонемого» Родбая прилетел сюда.

– Немцы никого не боятся, кроме Бога, – говорил тот, которого раньше считали глухонемым. И говорил по-немецки.

Граф Тарновский умышленно громко хлопнул дверью и стал сбрасывать с себя походный плащ. Громницкий закашлялся. Из внутренней комнаты слышались торопливые шаги.

Через мгновение в прихожую со свечою в руках вошел лесничий Орн в высоких сапогах, в серой куртке с зелеными отворотами, огромный, сильный, ловкий, как атлет из цирка. Он растопырил руки.

– Боже, кого я вижу, – зычно и весело заговорил он. – Как я рад, граф, что вы сами пожаловали ко мне! Впрочем,

если бы вы сегодня не оказали мне этой высокой чести, завтра утром я был бы у вас с восходом солнца!

Он протянул графу обе руки и стал трясти его за локти. Затем самым почтительным образом он поздоровался и с Громницким. И повел обоих в освещенную угловую комнату, где на круглом столе бурлило в кофейнике кофе. Нарезанная ломтиками колбаса красовалась на тарелке. Лежали булки и рядом вздымался живописный флакон ликера. Родбай с мрачным видом глухонемого улыбался и показывал гостям жестами:

– Очень рад вас видеть!

И по временам испускал дикое мычание, каким все глухонемые сопровождают свои восторги.

Орн спрашивал:

– Чем вас угощать? Чаем или кофе? – и дружелюбно похлопал Родбая по плечу. – И ты рад гостям, мой немой дурачок? Да? Д-да?

Тарновскому стало страшно, так страшно, что у него закружилась на мгновенье голова. Когда Родбай поднял высоко обе руки, чтобы прибавить огня в лампе, Тарновский ясно увидел, под его курткой сбоку были привешены к поясу: огромный пистолет Наган и, очевидно, очень длинный кавказский кинжал в серебряной оправе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.